

Елена Арсеньева

Белая голубка и каменная баба (Ирина и Марья Годуновы)

Часть сборника
Царица любит не шутя
(сборник)

Царица любит не шутя

Елена Арсеньева

**Белая голубка и каменная баба
(Ирина и Марья Годуновы)**

«Автор»

2004

Арсеньева Е. А.

Белая голубка и каменная баба (Ирина и Марья Годуновы) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», 2004 — (Царица любит не шутя)

ISBN 5-699-07728-6

«Душным вечером несколько человек с факелами в руках спустились в подвалы Кремля. Они шли долго, петляя по затейливым переходам, которые пронизывали подземелья дворца русских государей. Наконец остановились перед тяжелой дубовой дверью, обитой железными скобами.— Теперь идите, — сказал один из них...»

ISBN 5-699-07728-6

© Арсеньева Е. А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Елена Арсеньева

Белая голубка и каменная баба (Ирина и Марья Годуновы)

Май 1605 года. Москва, Кремлевский дворец

Душным вечером несколько человек с факелами в руках спустились в подвалы Кремля. Они шли долго, петляя по затейливым переходам, которые пронизывали подземелья дворца русских государей. Наконец остановились перед тяжелой дубовой дверью, обитой железными скобами.

– Теперь идите, – сказал один из них.

Он был невысок, невиден, понур, но каждого его слова, каждого жеста слушались рабски. Неудивительно – то был русский царь, самодержец Борис Годунов. И хоть из-за событий последнего времени трон под ним не просто шатался, а даже ходуном ходил, но власти государь пока еще не утратил... Сопровождающие покорно повернулись и побрели обратно. Задержался один – юноша лет шестнадцати, такой же невысокий, темноволосый и темноглазый, как государь. Это был его сын Федор.

– Дозволь при тебе побыть, батюшка! – умоляюще пробормотал он.

– Нет, идите, все идите! – Борис Федорович досадливо махнул рукой, и даже в неверном свете единственного оставшегося в подземелье факела стало видно, как вздрагивает его поседевшая голова, как исхудала шея, торчащая из тяжелого, шитого драгоценностями ожерелья.

Федор покорно ушел.

Борис услышал, как проскребла по каменным плитам разбухшая, осевшая дверь, и почувствовал, что наконец-то остался один. С той минуты, как принял он на себя сан, редко удавалось побыть ему в одиночестве. Даже в своем спальном покое Борис всегда ощущал чей-то стерегущий, якобы почтительный взор.

Вот именно что «якобы»! Поднявшийся к трону из самых низов, отлично знающий, что русский двор в это Смутное время – сборище ядовитых пауков, посаженных в одну корчагу, Борис не верил никому и никогда. Ну разве что жене своей Марье доверял государь. Дочь Малюты Скуратова, рабски служившего Грозному, бывшего ему верным псом, Марья Григорьевна¹ унаследовала от батюшки черты такой же собачьей верности господину и повелителю. Борис Федорович был ее мужем, господином и повелителем, а стало быть, Марья Григорьевна готова была лизать его руки и оправдывать всякое его деяние.

Впрочем, Марья Григорьевна Годунова, при всей своей преданности мужу, была отнюдь не сахар и не мед. Таких, как она, в народе прозывают бой-баба и применяют к ним пословицу: «Где черт не сладит, туда бабу пошлет!» Сущий василиск, злобный огонь изрыгающий!

Подумав об огне, Борис Федорович опасливо оглядел факел, который держал в руке и с которого срывались клочья горящей соломы, пропитанной смолой. Здесь следовало быть поосторожней, ибо огню взять свое еще не время, подумал он. Потом сунул факел в светец на стене и дальше прошел в полумраке, который, впрочем, рассеивался с каждым шагом, пока не стало довольно светло. Оказалось, что свет исходит из стекляницы, укрепленной на макушке каменной бабы – точь-в-точь такой же, как те идолы, которым поганые язычники поклоняются в своих не менее поганых капищах. Правда, те, насколько знал Борис Федорович, не имеют на себе стекляниц-огненосиц. А эта... Но ведь баба не простая. В ней – последняя надежда на отмщение, которое задумали Годуновы своему злейшему, первейшему врагу.

¹ Настоящее имя Малюты Скуратова – Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский.

Имя сего врага неведомо, однако он называет себя не кем иным, как царевичем Димитрием, сыном самого Ивана Грозного. И хоть вся Русь жила до последнего времени в убеждении, что 15 мая 1591 года в Угличе царевич *сам нечаянно зарезался ножиком, играя в тычку*, Самозванец уверяет в своих подметных грамотах, что покушались на него убийцы, годуновские подсылы, и не сомневались, что зарезали до смерти, однако ему чудом удалось спастись, скрыться в забвении, чтобы теперь явиться страшным призраком и сквитаться с Годуновым, который обманом воссел на русский трон.

Враг этот явился не сам-один. Он идет на челе войска польского, за ним мятется несметная толпа казацких полков, бесстрашных и беспощадных, против которых даже татары, подступавшие под московские стены несколько лет назад, кажутся малыми детьми. И уже почти не осталось надежды на милосердие Божье, кое помешает Самозванцу на днях взять Москву.

И тогда...

Если случится самое страшное... если Москва не устоит... если Самозванец воссядет на русский трон, а головы Годунова и его семьи полетят с плеч... рано или поздно эта каменная баба сумеет довершить дело, начатое, но не довершенное 15 мая 1591 года в Угличе. Стекляница на макушке идола всклень наполнена маслом, из коего поднимается фитиль. Как только догорит масло и стекляница лопнет от жара, огонь неминуемо попадет на рассыпанный внизу, у подножия статуи, порох.

Борис Федорович повозил сапогом по полу, почти с наслаждением ощущая, как перекашиваются под ногой мелкие бусинки. Пороху здесь много, весь пол им усыпан. Да еще полсотня мешочков и бочонков стоит вдоль стен. А то и больше. Ох, как рванет, как взлетит на воздуши Кремль вместе с захватчиками!..

А ему, Борису Годунову, государю Борису Федоровичу, уже будет все равно. И семье его – тоже. Сыну – Федору, дочери – Ксении, жене – Марье Григорьевне. Можно не сомневаться, что Самозванец их всех под корень выведет.

Счастье, что Ирина, сестра, не дожила до сего дня. А впрочем, она, умирая, пророчила, что он непременно настанет. На ее пророчества, впрочем, Борис Федорович никакого внимания не обратил. А жена – та вообще высмеяла умирающую инокиню Александру (под этим именем была пострижена Ирина в Новодевичьем монастыре)...

Годунов задрал голову и, морщась от нестерпимого жара, посмотрел в грубо вытесанное лицо каменной бабы. Огонек теплился в стеклянице, бросая причудливые сполохи на грубые, небрежно вытесанные черты.

Борис и не хотел, а усмехнулся. Вольно или невольно каменотесец придал статуе черты, крайне схожие с ликом царицы Марьи Григорьевны. Да, некогда Марьюшка Скуратова-Бельская была хороша, словно маков цвет, нежна, как розовая заря, голосок имела сладкий, будто у малиновки, птички певчей, но с годами сделалась станом объемна, поступью развалиста, увесиста, на язык груба и горлом громка, а уж черты лица... Где былая красота? На смену ей пришла одна свирепая надменность, щедро приправленная рябоватостью после перенесенной оспы. Впрочем, с лица воду не пить – Борис Федорович, сам слывший измлада красавцем, даром что рост имел маленький, всю жизнь придерживался сего мнения. Именно поэтому выбрал себе в жены не просто красавицу (красота, он знал, увянет!), а дочь самого важного для государя человека.

Его многие пугали, многие отговаривали: на руках-де Малюты крови человеческой по локоть, а яблочко от яблоньки... Ну да что кровь? Малюта Скуратов и правда пролил ее реки, нет – моря, но ведь не по своей воле – ради государя своего. Служил государю!

Между прочим, такой же свирепой была и Матрена, жена его, Марьиная маманя. На тещу свою молодой Годунов молиться был готов. Она ему чуть не каждый день давала уроки великого хитроумия. Именно Марьиная матушка придумала, как пропихнуть на первое среди избранниц государевых место родню Скуратовых-Бельских, Марфеньку Собакину. Это случи-

лось, когда Иван Грозный, овдовев после смерти Кученей-Марии Темрюковны, княжны Черкасской, затеял выбирать новую жену.

Вообще все в этих смотринах было сделано ловкими руками Матрены Скуратовой. Сначала ей пришлось потратить невесть сколько сил, чтобы уговорить муженька выставить Марфу на государевы смотрины. Попытка не пытка, за спрос денег не берут, а выиграть можно весь мир. И выиграли же! Не без помощи, между прочим, Бориса, новоиспеченного царского зятя.

Когда Иван Васильевич слишком уж явно заколебался между Марфенькой Собакиной и дочерью опричника Зиновией Арцыбашевой, эту последнюю как-то раз нашли в дымину пьяной и полуголой в одном из коридоров малого дворца (все съехавшиеся на смотрины девки жили вместе во дворце). Рыдающая Зиновия клялась, что ничего не помнит, что ее напоил и обесчестил какой-то молодой опричник. Слушая это, Борис и Матрена, зять и тещенька, только переглядывались. «Опричником» сим был Бориска... Велика трудность остаться неузнанным! Переделся, привязал бороду, усы понаклеил, да в темноте коридора и сделался другим человеком. Зиновия была на диво проста, вот и поплатилась, вот и очистила место Марфеньке.

Матрена потом украдкой рассказала дочери, кто именно обиходил Зиновию. Рассказывала, держа наготове ладонь для хорошей оплеухи, собираясь немедленно заткнуть Марье рот, если она поднимет ревнивый крик и примется чихвостить мужа, нарушившего супружескую верность. Однако Марья только смехом залилась, довольная, что дело выиграно. Поистине она была вполне достойна и отца своего, и матери, и мужа!

Одна беда: все совместные старания Скуратовых-Годуновых пропали втуне. Вскоре после свадьбы юная царица, «так и не разрешив девства», умерла – отравленная, как потом позже выяснилось, братом прошлой царицы, князем Салтанкулом Черкасским. Сам Салтанкул кончился на колу, но Марфеньку и связанных с нею честолюбивых надежд было уже не вернуть. Правда, Скуратовы и Годуновы и без нее не бедствовали, всегда были в милости у царя.

Стало немного хуже, когда Малюта, Григорий Лукьяныч, тестюшка, загинул на стенах какой-то ливонской крепости. Не вовремя осиротил семью! Сразу на первое место близ трона вылез Богдан Бельский. Это был свойственник Бориса, некогда и пристроивший молодого опричника во дворец. Свойственник-то свойственник, но не преминет ножку подставить, чтобы освободить себе дорогу к душе государевой!

А в это время царь Иван Васильевич готовил своего младшего сына Федора на польский престол.

Увы, царевич не задался ни умом, ни здоровьем. Могучему, неумному Грозному сын все чаще напоминал его собственного младшего брата, покойного князя Юрия Васильевича. На убогого братца огромное влияние имела его жена Юлиания. Вот если бы отыскать такую же мудрую, терпеливую, преданную, добрую супругу для Федора! Может быть, вся жизнь его, весь нрав его изменились бы. «Жена – сила великая, что бы там ни брюзжали увенчанные клобуками черноризцы, – рассуждал многоопытный царь, который в ту пору был уже женат в шестой раз, – в ней причудливо сплетены и благо, и пагуба... Это уж как повезет!»

Брак свой с Анной Васильчиковой он не считал удачным, не чаял, как развязаться с глупой, истеричной женой. Не повезло и старшему сыну, царевичу Ивану, который отправил в монастырь бесплодную Прасковью Соловую и женился вновь на Елене Шереметевой, которая хоть и забеременела быстро, однако оказалась сварливой, неуживчивой. Федор должен обрести в супруге не вертихвостку-мучительницу, наказанье Господне, а жену-мать, жену-сестру, жену-наставницу. И при этом она должна быть красавица – на какую попало, будь она хоть семи пядей во лбу, Федор и глядеть-то не станет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.